

Топонимическая реставрация Иркутска

Дискуссия о необходимости проведения в Иркутске комплексной реставрации топонимических памятников, то есть о возвращении городским объектам их исторических наименований, ведётся весьма своеобразно.

Этот сравнительно простой научно-исторический вопрос неожиданно оказался сугубо важным для неких идеологических лагерей, политических стратегий и, наконец, просто для любителей досужих разговоров. При этом, как несложно догадаться, собственно, научная аргументация почти не звучит, ибо в таком формате обсуждения всякая научность только мешает и тяготит. В самих же научных кругах, насколько нам известно, вопрос «возвращать или не возвращать» давно решен положительно, хотя, конечно, имеются разные мнения по ряду технических вопросов (например: какое название объекта восстанавливать в случае его многократного естественного переименования и т. п.). Автор крайне положительно относится к стремлению горожан принять участие в обсуждении вопросов из любой области знаний, однако призывает вести таковые обсуждения в логике тех наук, к которым эти вопросы относятся, избегая притом излишней эмоциональности и не привлекая ностальгических, идейно-партийных, электорально-предвыборных и т. п. «аргументов». В частности, вопрос о возвращении городским объектам их исторических наименований относится к компетенции топонимики.

Топонимика - это вспомогательная научная дисциплина, находящаяся на стыке географии, лингвистики и истории, и изучающая топонимы. Топонимы - это собственные названия географических объектов, начиная от материков, морей, океанов и заканчивая названиями остановок общественного транспорта и т. п. В этой статье речь пойдет в основном об урбонимах Иркутска, то есть о названиях внутригородских объектов, которые, в свою очередь, подразделяются на агоронимы - названия городских площадей и рынков, годонимы - названия улиц, хоронимы - названия отдельных зданий и др.

Каким же образом топонимика взаимодействует с исторической наукой? Очень просто: история использует топонимы в виде источника знаний, так же как она использует письменные, устные, архитектурные, археологические, этнографические и иные памятники. В этом качестве и сами топонимы становятся историческими памятниками. Они в некотором смысле нематериальны, и потому сознание не всегда способно безоговорочно поставить их в один ряд со зданиями, монументами, предметами декоративно-прикладного искусства. Однако даже самые поверхностные наши рассуждения на тему возможной нематериальности памятников, немедленно породят воспоминания о таких феноменах как сказки, эпосы, традиционные праздники, народные танцы и пр. Таковы же и топонимы.

Топонимические памятники, как и памятники вообще, имеют большое историческое и культурное значение. Они организуют культурно-историческое пространство местности, в которой бытуют, подчеркивают её уникальность и своеобразие, обеспечивают историческое преемство, свидетельствуют о древности и историчности окружающей их среды, фиксируют события, запечатлевают утраченные городские объекты, особенности рельефа, имена и занятия жителей и мн. др. Наконец, топонимические памятники, с которыми ежедневно соприкасается огромное число людей, являются естественным и эффективным средством распространения исторических знаний в самых широких слоях населения.

Всякий ли топоним является памятником? Нет, не всякий, так же как не всякое здание или монумент - памятник. Безусловно, некоторую полезную информацию можно извлечь почти из любого топонима, однако, по степени научной ценности, культурной и общественной значимости, самобытности и уникальности топонимы определённо не равны. Ценность представляют топонимы, сложившиеся естественным путём и закрепившие в себе память об исторических реалиях времени своего возникновения, например, о стоявших поблизости церквах (ул. Тихвинская, ул. Благовещенская, ул. Иерусалимская, пер. Чудотворский), домах горожан (ул. Дегтевская, ул. Баснинская, ул. Трапезниковская), государственных и городских учреждениях (ул. Арсенальская, ул. Адмиралтейская, Кремлёвская площадь), увеселительных учреждениях (ул. Матрешинская, ул. Дворянская), торговой и профессиональной специализации городских объектов и граждан (Сенная и Хлебная площади, Барахолка, ул. Кузнечная, ул. Ямская), городских легендах (местность Царь-Девича) и т. п. Такие, подлинные, топонимы можно назвать памятниками.

И наоборот - как, скажем, типовые т. н. «хрущевки» не являются архитектурными памятниками, хотя, в известном смысле, и несут дух своего времени, так и типовые топонимы - как правило, навязанные чьей-то волей, а не сложившиеся естественным путём - едва ли могут быть признаны памятниками или, во всяком случае, наделены особой ценностью. К примеру, собственник земельного участка или застройщик, планируя новый поселок или садоводство, нередко нарекают улицы совершенно произвольно (как, впрочем, они нарекают и сами поселки и жилые комплексы). Так появляются стандартные Берёзовые, Яблочные, Васильковые, Вишневые и т. п. улицы (примеры - абстрактны), даже несмотря на то, что ни васильков, ни яблонь, ни тем более вишен поблизости никогда не было и нет. В этой ситуации у вновь нареченных улиц, садоводств и микрорайонов почти нет шансов стать топонимическими памятниками даже и в будущем, так как единственным «ценным» знанием, которое они донесут до потомков, будет информация о богатстве фантазии собственника и застройщика или их исполнителей. То же самое касается и иных волюнтаристских наименований. Например, объекты, названные из политических или агитационных соображений, также лишаются топонимической естественности. В то же время нельзя не признать объективность процесса естественной смены топонимов - когда один исторический топоним естественным образом сменяет другой. На иркутском материале, в качестве примера этого процесса, можно привести естественное замещение названия реки Иды «Ушаковкой», или даже изменения названия Яндашского острога топонимом «Иркутский острог», давшим городу его современное название.

Особенно удручает замена подлинных исторических топонимов на искусственно измышленные. Полагаем, что это недопустимо вне зависимости от причин, побуждающих энтузиастов подобных начинаний к таким свершениям. Ни кажущаяся неблагозвучность топонима (ул. Кладбищенская была переименована в Парковую не по политическим причинам), ни слабая осведомлённость историков об истоках исторического наименования объекта, ни незначительность масштаба личности или явления, в честь которых назван тот или иной объект, ни политическая конъюнктура, ни что-либо еще - не может быть оправданием для замены подлинного топонимического памятника фальсификатом. Посещая музей, картинную галерею, приобретая произведение искусства или предмет антиквариата, нам крайне важна подлинность памятника. Так кольми паче следует требовать подлинности от окружающей нас топонимической среды, не допускать уничтожения или утраты первоначального вида памятников!

К сожалению, даже в письменный период уничтожение топонимического материала вполне возможно. Если исторические топонимы не были зафиксированы в письменных и иных источниках - как это нередко происходило в деревнях, сёлах, предместьях и слободах, - то, будучи замененными на топонимы привнесённые и, мало-помалу изгладившись из народной памяти, они неизбежно исчезнут. Более благоприятный вариант - утрата первоначального вида исторического топонима. Она отличается от полной утраты памятника тем, что, несмотря на искусственное изменение названия объекта, исторический топоним оказался зафиксированным в административных документах, периодике, литературе или каким-то иным образом, к примеру, филокартическими средствами. Но в этом случае первоначальные топонимы, становясь достоянием исторической науки, всё же утрачивают общественные функции памятника, так как становятся доступными лишь для узкого круга специалистов. Подобно музейным объектам, навеки заключенным в фондохранилище и никогда не демонстрируемых публике, такие памятники перестают организовывать культурно-историческую среду, распространять научные знания в обществе, обеспечивать историческое, культурное, и, быть может, ментальное преемство между поколениями горожан, утрачивают иные традиционные функции, присущие памятникам, бытующим в публичном пространстве. Строго говоря, часть этих функций осуществляется посредством публикации работ ученых-историков, однако эффективность этих научных публикаций, в рассматриваемом аспекте, несоизмеримо уступает простому бытованию и общеизвестности топонимических памятников.

В случае с большинством исторических названий иркутских городских объектов мы имеем ситуацию утраты первоначального вида памятника. То есть исторический облик топонимического объекта находится под слоем волюнтаристских наслоений позднейших периодов. С чем, для наглядности, можно сравнить такое положение памятника? К примеру, с живописным полотном, имеющим значительную культурно-историческую ценность, поверх которого более полувека назад написали актуальный тогда политический лозунг. Полотно является единицей хранения музея, специалистам известно его живописное содержание, на этот счет имеются научные публикации, однако, функции памятника этот предмет не выполняет. Нетрудно догадаться, что для устранения изменений исторического облика топонимического памятника, как и в случае с предметом материальной культуры, следует осуществить научно-реставрационные мероприятия. В нашем случае они будут выражаться в разыскании и официальном возвращении иркутским городским объектам их исторических названий.

Часто звучит предложение указать исторические названия на уличных табличках в виде дополнения к тем, которые сейчас являются официальными. Однако, это не только не решение проблемы бытования

искусственных топонимов в Иркутске, но и, быть может, её усугубление. Во-первых, таким образом исторические топонимы бытовать не начнут, так как, дополнительное указание исторического названия, не являясь обязательным, не заставит пользоваться ими ни при отправке корреспонденции, ни в государственных органах, ни в СМИ, - словом, нигде, где бы их употребление способствовало выработке привычки их использования и постепенному проникновению их в жизнь города. Во-вторых, подобная мера, в глазах, например, властей (которых, как кажется, самая природа принуждает быть инертными), может создать иллюзию решения проблемы и, таким образом, отсрочить подлинное решение на неизвестное время. Система дублирующих названий сама по себе - равно как и сеть памятных досок или стендов, повествующих об истории улиц - вполне приемлема, но не в качестве топонимико-реставрационной меры, а в виде средства популяризации идеи возвращения исторических названий.

Особенное место занимает вопрос о том, почему важно реставрировать весь комплекс топонимических памятников, а не отдельные топонимы, как это иногда предлагается. Скажем откровенно, идея фрагментарной реставрации вызывает изрядное удивление. Сторонники таковой, как нам кажется, до сих пор не смогли убедительно обосновать возможность избирательности в этом вопросе с позиций топонимики. Представляется, что, при наличии исторического топонима, ставить вопрос о сохранении его позднейшего эрзаца или замене последнего эрзацем современным - неправомерно, так как при этом, на наш взгляд, теряется научная логика всего процесса топонимической реставрации, и возникает вопрос о правомерности принятия кем-либо таких решений. Если отбросить традиционную реставрационную цель - восстановление подлинного вида памятника, то непонятно на каких научных основаниях предлагается проводить реставрационные работы. Если же эту цель преследовать, то неясно почему один топоним достоин реставрации, а другой - нет. И, наконец, исторический облик поселения формируется посредством памятников. В какой-то мере он может быть сформирован и единичными памятниками, и парой десятков таковых. Однако, бесспорно, что в случае реставрации всего комплекса оригинальных топонимов (а на сегодняшний день в Иркутске их разыскано около двухсот) историческая среда будет восстановлена с наибольшей полнотой. Ради какой высокой цели следует отказаться от этой полноты - совершенно непонятно.

Возможно, что «минимализм» сторонников избирательной топонимической реставрации связан с тем, что они находятся в плену имеющих всероссийскую известность мифов о небывалой дороговизне реставрационных мероприятий в этой области, а также об изрядной путанице с документами физических и юридических лиц, якобы влекомой этими мероприятиями. Однако, мифы эти убедительно опровергнуты и реставрационно-топонимической практикой других городов, и государственными органами, в том числе местными (в частности, ФРС и ФНС по Иркутской области) и, наконец, опытом жителей проспекта Маршала Жукова (бывшего Карл-Маркс-Штадт), подвергшегося, сравнительно недавно (в 1999 году), малопонятному переименованию. Но, несмотря на все официальные опровержения, эти мифы всё ещё властвуют над умами властей и большинства горожан.

В этой ситуации трудно говорить о предлагаемом иногда городском референдуме, как средстве решения топонимической проблемы в Иркутске. Большинство всегда противится переменам. Сторонники перемен бранят его за этот консерватизм и объясняют его неразвитостью, непросвещённостью, иррациональными страхами. Однако, консерватизм большинства - объективная реальность, ничто не в силах его изменить... и это воодушевляет! Привычка - душа держав. Но это касается глубинных пластов сознания народов: их национальных, нравственных, религиозных, культурных оснований - решений, требующих субъективного выбора большинства. Однако, парадигма общественного сознания имеет свойство выстраиваться и вокруг проблем не достигающих таких глубин, как вопросы общественных и государственных основ. Эти вопросы гораздо менее глобальны, но зато, зачастую, требуют не субъективного выбора, а объективного решения. Наверняка вопрос необходимости налогов или объявления военной и тыловой мобилизации будет решен большинством необъективно, что приведет к трагическим последствиям для самого большинства. Именно по этой причине мудрое большинство, в ходе своего исторического развития, отнесло решение объективных вопросов к компетенции специалистов в тех или иных областях знаний. Не является исключением и топонимика.

В заключение повторим мысль, прозвучавшую в начале этой статьи: естественно, что судьба иркутских исторических топонимов волнует не только историков; без сомнения, любой желающий, даже не будучи историком, имеет право принять участие в обсуждении вопроса о реставрации топонимических памятников Иркутска. Однако, любое обсуждение должно иметь правила и логику. Топонимическая проблема не может не иметь топонимической логики, и потому все участники принуждены следовать ей, то есть, если угодно, стать немного историками - специалистами в той теме, которую они обсуждают. Иначе никакой дискуссии, увы, не получится.

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Александр
Снарский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)